

МОДЕЛИ ЖИЗНЕОБЕСПЕЧЕНИЯ ПОМОРСКОГО НАСЕЛЕНИЯ РУССКОГО СЕВЕРА В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ

Плюснин Ю.М.

При поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 96 -03-18019) в июле-августе 1996 г. проведено полевое исследование современных социально-психологических механизмов жизнеобеспечения сельских сообществ поморского населения, проживающего по берегам Белого моря. Эти сообщества в той или иной мере сохранили традиционные модели жизнедеятельности, адаптированные к экстремальным природно-климатическим условиям Крайнего Севера. Развитие глубокого социального кризиса, катастрофическое разрушение всей системы экономических связей, создало для них дополнительные экстремальные условия и на социальном уровне, что заставляет формировать новые, уже внутрисоциальные (социально-психологические по своему характеру) механизмы жизнеобеспечения. Выявлению таких механизмов, наряду с общей социологической характеристикой северных сельских сообществ, и было посвящено настоящее исследование. Оно явилось продолжением работы, начатой автором в сентябре 1995 г. на Соловках.

Материал и методы

Обследованы населенные пункты по северному, западному и южному побережьям Белого моря (Терский и Кандалакшский берега Мурманской области, Карельский и Поморский берега Карелии, Онежский и Летний берега Архангельской области). Всего исследованием было охвачено 23 села, исторически являющихся преемниками традиционной поморской культуры (большинство сел существовало уже в XV —XVII веках), что составляет 3/4 всех ныне существующих сёл обследованного беломорского побережья. Население 10 сёл с общей численностью жителей 2962 чел. (более 1100 домохозяйств) опрошено непосредственно, а по остальным 13-ти информация получена от небольшого числа их жителей при посещении (5 сёл) или косвенно (8 других населенных пунктов. Для изучения различных аспектов организации сельской жизни применялся “Паспорт северного села” (авторская разработка), данные в который заносились из похозяйственных книг и/или со слов компетентных лиц (главы сельских администраций, секретари, инспектора, бригадиры колхозов, интеллигенция). Основные выборки образованы лицами, от которых получена информация о проблемах сельской жизни с помощью структурированного интервью и “Анкеты эксперта северного села”. Выборки формировались случайным образом, однако, с коррекцией по половозрастным когортам и социально-профессиональным группам. Общая численность опрошенных с помощью интервью и “Анкеты эксперта села” составила 193 человека (89 мужчин и 104 женщины) в среднем возрасте 45,0 лет (основное число респондентов в возрасте 25 — 60 лет).

Результаты

Демографическое состояние сельских сообществ Поморья в целом *неблагоприятное*. Доля детей до 16 лет составляет 28,6 %, а доля пенсионеров — 26,3 %. Средний размер сельской семьи — 2,64 чел. (данные по 912 семьям). Доля семей в репродуктивном возрасте составляет в разных сёлах всего от 3 % до 10 %. За 7 месяцев 1996 г. на 1120 семей в десяти обследованных селах пришлось всего 10 рождений (в среднем по одному

новорожденному на село). При этом сложилось крайне неблагоприятное соотношение между числом молодых мужчин и женщин: в некоторых селах число холостых молодых мужчин превышает число женщин иногда в 10 раз. Молодые женщины стремятся покинуть село и уезжают в город. Вследствие этого очень низок уровень брачности: 1,5 на 1000 жителей в 1996 г. (во всех селах было заключено 4 брака); в 1995 и 1994 гг. уровень брачности составил, соответственно, 2,9 и 1,45. На этом фоне объяснимо нулевое число разводов (за три года зафиксирован всего 1 развод во всех сёлах).

При столь низком уровне рождаемости и очень высоком уровне смертности (по 5 — 10 смертей на 1 село в год) коэффициенты естественного прироста в демографическом отношении *неблагоприятны*: они имеют отрицательные значения, начиная с 1993г. (см. рис. 1; хотя выборка с точки зрения демографических критериев и очень мала, динамика естественного прироста на фоне общероссийских коэффициентов для сельского населения мне представляется очень показательной: на Севере популяционная реакция на кризис оказалась существенно более сильной; тенденция к повышению коэффициента естественного прироста может указывать на то, что через 2-4 года сокращение численности населения в силу естественных причин может прекратиться). Данные по сельскому населению России приведены до 1994 г.¹ Данные по поморскому населению получены из похозяйственных книг и скорректированы за последние 3 года путём опроса населения.

Проблемы социального воспроизводства. Крайне остра проблема образования и профессионализации молодежи. За последние 3-5 лет очень немногие выпускники сельских школ смогли продолжить образование в городах страны. Тем более почти никто не имеет средств для продолжения образования в столицах. Это крайне важный *негативный фактор для современного российского общества*: аналогичная ситуация наблюдается повсюду в сельской местности и малых городах; таким образом, общество теряет очень значительную часть своего интеллектуального и культурного потенциала -по крайней мере это половина численности поколения. Молодёжь, оставшись после окончания школы в селе, не имеет возможности найти работу, кроме той, что предлагается в колхозе, а это такая деятельность, которую сами колхозники давно уже считают за социальные работы, поскольку действительного смысла, реального значения для сельской жизни они в ней не видят.

Психология материальной жизни (особенности жизнеобеспечения отдельных семей). Особенностью сельского быта семьи на Русском Севере является его *несамодостаточность*. В отличие от большинства сибирских сёл или деревень Нечерноземного района и станиц юга России, где практически каждая семья может самостоятельно обеспечить себя основными продуктами питания, жители северных сёл зависят в своей материальной жизни целиком от колхоза или от государства.

Частное хозяйство семей во всех сёлах предельно *редуцировано* (см. табл.). Нет ни коров, ни лошадей, ни свиней в хозяйствах. Если этот скот и есть, то он исчисляется единицами на все село (на период опроса в среднем на 100 семей приходится 1 корова в частном пользовании; во всех 10 сёлах насчитано всего 6 свиней; только овцы, как наименее требующие ухода животные, составляют заметную часть деревенского стада, но и здесь 1 овца приходится на 2 семьи). Столь же труднообъясним, тем более для горожанина при нынешнем состоянии экономики, тот факт, что в поморских сёлах крайне мало выращивается картофеля и других овощных культур. Многие семьи вообще не сажают картофель, и иногда даже не имеют огорода, а средний размер участков составляет всего до 3 -- 4 соток, что совершенно недостаточно для обеспечения семьи картофелем и овощами. В среднем на одного человека приходится всего около 1 — 2 соток пахотной земли, тогда как минимально необходимая площадь при условии полного самообеспечения составляет

около 1 десятины (10 соток) даже в средней полосе России; суммарное количество голов домашнего скота не достигает и 0,3 на одного человека, хотя необходимый уровень — не менее одной головы на человека (подробнее см. ²). То количество скота, которое имеется в поморских хозяйствах, конечно, никоим образом не может обеспечить существование семьи. Необходимый минимум мясных и рыбных продуктов обеспечивается прежде всего за счет морского промысла и, по-видимому, охоты.

Аналогичная ситуация с обеспечением населения топливом. Его заготовка уже несколько десятилетий идет по берегам моря: собирается сплавной лес, разбитый и унесенный штормами (плавник). Последние несколько лет все крупные лесокombинаты стоят, лес не сплачивается и выбросов на берег практически нет. Население прибрежных сел стало испытывать острую нехватку плавника. Заготовка же дров в лесу требует значительно больших усилий, чем сбор его по берегу. Но изменившаяся психология людей заставляет их все еще чего-то ожидать, с трудом переключаться на традиционные способы заготовки.

Таким образом, частное хозяйство, когда оно не связано с производством продукции колхозом — а последнее с каждым годом сворачивается все больше и кое-где уже совершенно прекращено, — носит по преимуществу *присваивающий* характер. Самообеспечение продуктами питания населения села в таких условиях невозможно.

Неразвитость частного хозяйства объясняется несколькими факторами. Во-первых, в течение последних 20-30 лет колхоз полностью обеспечивал потребности жителей в молоке, мясе, яйцах, картофеле, овощах и люди, получая продукты за символическую плату, утратили необходимость в самостоятельном производстве. Сейчас же, хотя условия и резко ухудшились, поскольку колхозы существуют, у большинства сохраняется эта установка. И только в редких случаях, когда в селе ликвидируется отделение колхоза и люди оказываются совершенно брошенными на произвол судьбы, они начинают восстанавливать частное хозяйство.

Другая из причин — традиции хозяйственной деятельности поморов, связанной по преимуществу с морским промыслом и рыбной ловлей. Жители как северных Терского и Кандалакшского берегов, так и южных Поморского и Летнего берегов почти не занимались полеводством и овощеводством, торгуя зерно и муку на рыбу и морского зверя. До сих пор лов рыбы (сельдь, треска, навага, сёмга) является основой хозяйствования семей. Поэтому практически каждая семья имеет лодки (карбасы и моторные лодки), сети и все другие необходимые средства. Жизнь преимущественно за счёт моря приводит к недоразвитию многих элементов подсобного хозяйства, хотя экономические и природные условия для этого есть. Поморы продолжают сохранять основные черты частной хозяйственной жизни, которые были им присущи еще 150 и более лет назад.³

Психология материальной жизни поморского населения складывается в настоящее время из двух элементов: 1) сохранение ориентации на традиционное присваивающее хозяйство, основанное на морской добыче (ловле рыбы и морского зверя) и охоте; 2) сформированной относительно недавно (в течение жизни нынешнего экономически активного населения) ориентации на безвозмездное и практически бесплатное получение продуктов питания от колхоза. Второй элемент продолжает доминировать в сознании людей, несмотря на тяжелый опыт последних пяти лет; обращение к первому элементу носит вынужденный характер у молодёжи, и характер трудного возврата к почти забытому опыту — у старшего поколения.

Новая модель жизнеобеспечения сельской общины.

Полная атрофия натурального хозяйства и сохранение у поморов ориентации на такие виды промыслов, которые традиционно требуют коллективной деятельности, не в последнюю очередь заставили их в наше время повсеместно сохранить колхозы. Необходимость в этом продиктована также и тем важным обстоятельством, что социально-

психологические механизмы жизнеобеспечения поморских сообществ традиционно формировались как механизмы *коллективной* жизнедеятельности и в советское время они поддерживались организационно и идеологически.

Там, где сохранились базовые элементы колхозного хозяйства психология материальной жизни прежде всего стала подстраиваться именно под эту проверенную временем организационную форму. На Русском Севере такое приспособление наблюдается повсеместно. В стратегическом отношении оно *неадаптивно*, но основывается на рациональных мотивах и является приспособительным поведением по отношению к ситуативным, кратковременным условиям экономической и социальной жизни.

Среди многочисленных прежде элементов структуры хозяйственной деятельности поморских рыболовецких колхозов реальную жизнеспособность сохранили очень немногие, а чаще всего только один — атлантический лов рыбы и ее продажа заграничным партнерам. Благодаря этому колхоз имеет некоторый минимум средств, которые распределяет в виде зарплаты и пенсии своим колхозникам. Величина этих выплат невелика (от 400 тыс. руб. в Карелии и Архангельской области до 1 млн. руб. в Мурманской области), но стабильна.

Ловля рыбы в Атлантике и продажа ее за границей позволяет регулярно выплачивать пенсии и зарплату. Но если колхозники-пенсионеры заслуженно пользуются этим, то в отношении активного населения такого сказать нельзя. Колхозные сейнеры лишь в редких случаях имеют в команде жителей села (в 5 колхозах насчитывается 13 средних рыболовных сейнеров, в командах которых работает не более 10 колхозников из почти 400 человек). Несмотря на то, что зарплата здесь на порядок выше той, что получает колхозник дома (около 4 млн. руб.), он не стремится уходить на лов рыбы в море (хотя это, между прочим, наиболее важный элемент традиционного хозяйствования поморского населения). Поэтому колхозы вынуждены набирать команды в Эстонии и на Украине. Причины нежелания идти в море называются самые разные, но за всеми стоит одно обстоятельство: на фоне убыточного животноводства и растениеводства морская рыбная ловля выгодна и позволяет колхозу содержать всех своих работников, независимо от их реального вклада. Эта небольшая зарплата, на которую живут члены колхоза, выступает в виде вспомоществования, благодаря которому они имеют ещё достаточно времени и на занятия своим хозяйством (плюс охота, рыбная ловля, сбор и сдача водорослей, и прочие требующие времени дела, нехлопотные и часто даже приятные) и соответствующий потребностям досуг, который заключается в регулярном и продолжительном пьянстве (в то время как на судах введен сухой закон).

Сохранение подобной системы жизнеобеспечения в современных условиях кризиса привело к формированию любопытных, если не сказать *парадоксальных*, психологических механизмов жизнеобеспечения. В ситуации, когда крестьянин не имеет возможности автономного жизнеобеспечения и лишен работы, которая приносила бы ему заработок, но в то же время может получать регулярное вспомоществование в виде колхозной зарплаты, это выглядит как *рента* от доходов, получаемых в результате эксплуатации труда наемных работников-рыбаков и сдачи в аренду судов.

Значение нынешнего заработка колхозников в качестве ренты подтверждается тем фактом, что люди в массе своей не желают использовать другие возможности для поддержания и повышения благосостояния семьи, а нередко вообще не хотят работать. Сформировалась *психология рантье*, которая на уровне обыденного сознания достаточно быстро закрепились, нашла идеологическое обоснование и в нынешних условиях как механизм ситуативно-ценный начинает успешно вытеснять прежние социально-психологические механизмы жизнеобеспечения. Однако ясно, что в стратегическом отношении это неадаптивное и даже губительное для сообщества поведение, это поведение, ориентированное на индивидуалистические и конкурентные отношения, которые не могут

быть жизнеспособными в условиях северного села ни по социальным, ни по экологическим причинам.

О всего лишь ситуативной адаптивности такого социально-психологического механизма жизнеобеспечения на Русском Севере свидетельствует тот факт, что в случаях, когда колхоз начинает разваливаться или ликвидируется его отделение, расположенное в каком-то селе, люди вынуждены переходить к совершенно иным моделям жизнеобеспечения и начинают действовать механизмы, аналогичные тем, какие мы наблюдаем в селах Южной Сибири и средней полосы России. Хотя фермерские хозяйства практически отсутствуют (во всех сёлах зафиксировано одно такое хозяйство), там, где колхоз ликвидирован и люди оставлены на произвол судьбы (например, в с. Оленица Мурманской области), они должны были искать источники жизнеобеспечения и вынуждены вновь вернуться к содержанию скота, выращиванию картофеля и овощей, сенокосу, т.е. по сути к натуральному фермерскому хозяйству.

Политические аспекты жизни северного села.

1. *Политические ориентации.* Исследование проводилось сразу после второго тура президентских выборов, поэтому мы могли соотнести декларируемые политические ориентации людей с объективными результатами голосования в каждом селе. В отличие от предыдущих лет, когда сельские жители демонстрировали единство мнений, ориентируясь на социализм и сохранение коммунистической идеологии, например, 98 % жителей северных районов Горного Алтая в 1994г.⁴, в настоящем исследовании выявилась поляризация политических ориентаций во всех без исключения сельских общинах. Жители сел, часто независимо от возраста и характера прежней и нынешней деятельности, разделились почти на две равные половины: одна сохранила прежние социалистические ориентации, тогда как другая половина выступала за идеологию перемен (нельзя сказать, что имеется сколь-нибудь отчетливое представление о демократии, поскольку основано не на результатах практической деятельности, а на представлении, искаженном средствами массовой информации, прежде всего телевидением).

2. *Уровень политической активности* очень низок (рис.2, оценки экспертов - сельских жителей). Хотя и затронуты жизненные интересы людей, они не связывают их защиту с какими бы ни было политическими акциями по нескольким очевидным причинам: 1) историческим — в силу отсутствия прецедентов, 2) экономическим — в силу полной зависимости хозяйства села и способов его жизнеобеспечения от внешних, по преимуществу все еще государственных, источников, 3) социальным — в силу деградации сельской общины как некоего социального единства, 4) психологическим — в силу широкого распространения психологии “рантье”.

3. *Уровень социальной напряжённости.* Низкая политическая активность сочетается и с неготовностью населения к активному проявлению накопившегося напряжения в какого-либо рода политических акциях. Готовность жителей к забастовкам, митингам, выступлениям протеста, актам неповиновения, стихийным бунтам оценивается самими людьми как очень низкая (табл. 2).

Между тем уровень социальной напряженности в самом селе высок. Но в настоящее время сказывается она на внутриобщинных и межличностных отношениях, приводя к распаду родственных, соседских и дружеских связей, раскалывая село на 2-3 враждующих группировки, способствуя разрушению психологического единства семьи. Она оказывает сильное влияние также на психологическое состояние людей, способствуя распространению и усугублению отклоняющегося поведения.

4. *Отношение к Администрации и оценка её деятельности.* Высокая социальная напряженность, упрямая в область индивидуальных переживаний и межличностных отношений, сказывается и в отношении населения к деятельности Администрации на всех

уровнях — от Правительства страны до бригадира и инструктора, представляющих «собственную» местную власть. Власть утратила уважение и престиж в глазах людей. И если оценка Правительства и областной Администрации несколько туманна, неопределенна, хотя по большей части и *негативна* (виноватыми во всех своих житейских проблемах люди считают прежде всего Правительство) — эта власть, в представлении людей, слишком далека и действует опосредованно, — то оценка районной и местной Администрации крайне отрицательна (рис. 3). Неуважительность к этой власти достигла уровня насмешки. Контраст с периодом социализма слишком бросается в глаза и Власть на местах только делает вид, что не замечает этого столь неуважительного, а иногда даже презрительного отношения к себе. Руководители отдают себе отчет, что они не располагают ни идеологическими, ни юридическими, ни экономическими средствами поддержания своей власти. Но почти никто из них не представляет в полной мере степень неуважения к себе *как к Власти* со стороны сельской общины.

Позиции Администрации в настоящее время захвачены руководством колхозов. Властные полномочия колхозов стали сейчас, вероятно, значительно шире, чем когда бы то ни было. Примером тому может служить село Варзуга, где власть колхоза распространилась даже на юрисдикцию Православной церкви, что с любой точки зрения — и даже с позиции обывателя — выглядит вопиющим нарушением.

Происходящее стихийное перераспределение власти (в том случае, когда колхозы оказались экономически сильнее Администрации на всех уровнях вплоть до областного) в пользу структур, не обладающих правом властных полномочий, должно было привести и реально привело к широкому распространению произвола и беззакония. Закон исполняют не его представители — участковые милиционеры, которых теперь в лучшем случае один на сотню километров, или инспектора, ставки которых сокращены почти в каждом селе, а бригадиры колхоза. Они же, вслед за председателем колхоза, нередко выступают и в роли законодателей. Ощущение произвола обострено тем очень важным обстоятельством, что теперь колхозниками является уже далеко не все население, а иногда даже меньшая часть села. Сложившаяся ситуация “вакуума власти” ощущается сельскими жителями острее, нежели горожанами, поскольку сказывается на любом элементе их повседневной жизни. Это ведет к упрочению в сознании людей идеи местного самоуправления.

5. *Отношение к идее самоуправления.* Большинство жителей со всевозрастающим вниманием обращается к идее местного сельского самоуправления. Степень сочувственности к ней прямо пропорциональна слабости законной власти и произвола ее заместителей. Не менее 3/4 респондентов считают самоуправление необходимым сельской общине (только 7 % опрошенных посчитали, что самоуправление может принести вред селу, а 11 % -- что в нём нет ещё объективной потребности). Однако, в отличие от жителей сибирских регионов (например, Красноярский край, Горный Алтай), лишь единицы представляют себе суть самоуправления, политические, социальные и экономические условия его осуществления в современном северном селе.

В ситуации, когда село брошено руководством страны на произвол судьбы (так считают почти 90 % опрошенных) люди хотят независимости от бессильной исполнительной власти и испытывают нужду в защите от произвола. Неясно, каковы источники идеи самоуправления — память и возврат к традиции или влияние средств массовой информации: ни то ни другое не указывает механизмы реализации самоуправления, — но ясно, что в настоящее время мы наблюдаем проявление на уровне сознания *только потребности* в самоуправлении. Представление о конкретных механизмах воплощения в жизнь идеи самоуправления не было высказано ни одним из респондентов, в том числе и руководителями разного ранга. Даже понимание того, что в нынешней ситуации село не располагает ни экономическими, ни политическими средствами создания и обеспечения функционирования института самоуправления, крайне невелико (отмечено всего у двух

респондентов-экспертов — около 1 %). Соответственно, на данный момент в менталитете сельской общины не зафиксировано ни одного конкретного механизма создания института местного самоуправления. Ни одно из обследованных сел (а также сел, о которых получена информация от их жителей) не располагает неформальными или зарегистрированными организациями, деятельность которых была бы направлена на создание самоуправляющейся общины или хотя бы ее элементов. Нет и активистов такого движения. Но несомненно, что потребность в самоуправлении велика именно в силу нынешних социально-экономических обстоятельств.

Нравственные и мировоззренческие аспекты жизни северного села.

1. Результаты наблюдений и опроса людей заставляют думать, что в значительной степени ***утрачены многие нравственные начала*** организации повседневной жизни северного села. Крайне широкое распространение получил алкоголизм, в том числе и среди женщин, подростков, даже детей. Появились факты воровства продуктов питания, скота, картофеля, чего ранее не существовало. Наблюдается рост числа хулиганств и более серьезных правонарушений — убийств. В силу ряда внешних причин, -- и не в последнюю очередь влияния телевидения и специфической видеопродукции, -- отмечается изменение моральных стандартов поведения. Получена глухая информация о том, что нарастает аморальность поведения. Особенно это касается увеличения “раскрепощенности” женщин и девушек.

2. Мировоззрение формируется под очень сильным влиянием средств массовой информации и в силу этого оно не цельно, не органично, подвержено конъюнктуре. Особенно это касается молодой части населения в возрасте до 30 лет. Разрушение традиционных и идеологических основ мировоззрения усугубляется ростом частоты аддиктивных форм поведения (прежде всего алкоголизма и антисоциального поведения) и высоким уровнем психоэмоционального напряжения, которое приняло массовый характер и сопровождается ростом тревожности, раздражительности и агрессивности (чаще у женщин) или апатии, тоски и бездеятельности (чаще у мужчин).

Люди сами оценивают свою погруженность в СМИ и подверженность их воздействию как чрезмерную, иногда вредную: 53 % опрошенных ежедневно постоянно смотрят телепередачи, слушают радио; только 25 % делают это время от времени и никто не отметил, что для него СМИ не имеют почти никакого значения. Основным интерес вызывают новости и мыльные оперы. Если в первом случае люди хоть как-то прорывают свою физическую изоляцию от мира, то во втором это позволяет им “забыться”, отвлечься от тягостных переживаний и необходимости что-то предпринимать для выживания, когда условий для этого нет или очень мало.

3. Народное экологическое мировоззрение и экологические представления своеобразны. В подавляющем большинстве отношение людей к природе — в первую очередь к *морю и лесу* — утилитарно: природу рассматривают не более как источник средств к существованию. При этом, благодаря СМИ, население в большинстве своем убеждено в том, что Белое море заражено и природе наносится сильный ущерб почти исключительно со стороны военных, но не промышленности. Представления же населения об экологии любопытны и имеют характер альтернативы: одни считают, что экология — это “загрязнение”, другие: экология -- это “чистота”. Практически никаких иных представлений об экологии не зафиксировано.

4. Религиозность подавляющего числа сельских жителей очень низкая. Из всех опрошенных 35 % признаются, что они в той или иной степени верят в бога, а 45 % считают себя неверующими. Большинство же полагает как в отношении себя, так и в отношении односельчан, что истинной веры нет, а если что-то и есть, то это скорее относится к области суеверий и некоторых остатков языческих представлений. Религиозная активность

(посещение церквей, моление, о факте которого можно судить по наличию в избе икон) крайне невелика: по некоторым эпизодическим наблюдениям можно заключить, что действительно верующая часть населения (в ортодоксальном смысле) составляет всего около 5 %.

Социально-психологические аспекты жизнедеятельности сельской общины.

Новая политическая и социально-экономическая ситуация коснулась психологической стороны повседневной жизни людей тем, что ухудшились отношения в семьях и отношения между родственниками и соседями внутри сельской общины. Показательно, что это коснулось прежде всего женщин (только они указывают на возрастание взаимной раздражительности и агрессивности), но не мужчин. В большинстве сёл женская часть общины разделена на 2 - 3 враждующих группировки. Причину такой дифференциации по полу можно видеть в том, что мужчины преодолевают стресс через совместное пьянство, тогда как женщины меньше пьют, но вынуждены больше работать, чтобы обеспечить существование семьи.

Оценивая собственную приспособленность к нынешним социально-экономическим условиям более половины опрошенных (52 %) считают, что они адаптируются с трудом или вообще не могут приспособиться. Только 10 % людей полагают, что они хорошо приспособлены к современной жизни (см. рис. 4).

Самооценка психологического состояния смещена в сторону преобладания отрицательных переживаний (рис. 5). Оптимистические жизненные установки характерны только для 4 % опрошенных, тогда как 18 % отмечают очень тяжёлое состояние духа. Неуверенность, беспокойство, тревога и страх, раздражение, пессимизм и тоска – такое описание своего повседневного состояния дают для 87 % сельских жителей.

Соответствуют таким настроениям и жизненные перспективы людей: планирование на будущее личной жизни простирается в среднем и у мужчин и у женщин *не далее чем на полгода вперед*. (от 3-х до 6-ти месяцев), а планирование трудовой деятельности ещё менее определённо: всего от нескольких недель до 1 - 3 месяцев.

Заключение

По результатам двух полевых исследований сельского поморского населения в 1995 и 1996 гг. можно сделать некоторые предварительные выводы относительно механизмов (моделей) жизнеобеспечения общин и отдельных семей. Достаточно определённо фиксируются две модели, которые имеют разные культурные, экономические, социальные и психологические основания.

В первом случае это модель, сложившаяся в советский период на базе традиционных коллективистских (общинных) механизмов жизнеобеспечения, которые определяли всю структуру жизнедеятельности поморского населения до первой четверти XX века. Колхозы оказались не только преемниками многопрофильности хозяйственной деятельности поморских общин, её по преимуществу добывающего и присваивающего характера, но и сохранили социальную и психологическую специфику традиционной жизни, основанной на принципах тотальной кооперации. Однако чрезмерное развитие патернализма способствовало редукции всех тех средств жизнеобеспечения, которые имели источником отдельную семью. Это не только поставило каждую отдельную семью в более зависимое положение от колхоза, чем это было ранее по отношению к сельской общине, но и способствовало дезинтегративным тенденциям – «атомизации» существования семей внутри общины.

Поэтому кризис российского общества, который в селе ощущается прежде всего как экономический кризис, обусловил развитие новых механизмов жизнеобеспечения не по ожидаемому сценарию, который сейчас чаще всего и реализуется в сельской России

(возврат к *материальной жизни* в буквальном смысле слова, т.е. к *внеэкономической жизни*; см.⁵), а по парадоксальному пути сиюминутной адаптации и развития механизмов жизнеобеспечения, основывающихся на психологии рантье. Это вторая модель жизнеобеспечения строится на очень зыбком для сельской северной общины основании и делает её зависимой от внешних и неконтролируемых ею условий. Делая ставку на подобный способ жизнеобеспечения (а это фиксируется во всех обследованных сёлах), сельское общество оказывается крайне ранимым («как слеза на реснице»). В то же время, по-видимому, сообщество всё ещё располагает каким-то потенциалом, который в критической ситуации приведёт к формированию другой – «чрезвычайной» – модели жизнеобеспечения. Остаётся открытым вопрос, какие социально-психологические факторы будут выступать катализаторами такой модели и что это будет за модель?

Благодарности

Статья подготовлена по материалам полевого социально-психологического исследования, осуществленного благодаря финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант № 96-03-18019). Автор выражает благодарность членам экспедиции, оказавшим большую помощь в сборе материала: В.М. Плюснину, магистру филологии М. Вильку и В.Е. Дмитриеву.

Примечания

¹ Демографический ежегодник России. Статистический сборник / Госкомстат России. — М., 1995. — 495 с.

² Плюснин Ю.М. Социально-психологические механизмы жизнеобеспечения населения в условиях экономического кризиса (сравнительный анализ сельских сообществ на Русском Севере и в Горном Алтае) // Этносоциальные процессы в Сибири. — Новосибирск, 1997. — С. 117 - 126; Плюснин Ю.М. Психология материальной жизни (парадоксы сельской «экономики выживания») // ЭКО: экономика и организация промышленного производства. — 1997. -- №

³ Максимов С.В. Год на Севере. — СПб, 1901. — 608 с.

⁴ Плюснин Ю.М. Политика деколлективизации села и ее первые итоги. Социальные проблемы сельского населения северных районов Республики Алтай (по материалам социологического исследования осенью 1994 г.). — Новосибирск: ИФПр СО РАН, 1995. — 32 с.

⁵ Бродель Ф. Динамика капитализма. — Смоленск: Полиграмма, 1993. — 124 с.